

УДК 494.3
DOI 10.17223/18137083/61/21

Б. Ч. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл

Особенности сочетания временных форм с темпоральными конкретизаторами в тувинском языке *

Представлен результат анализа сочетаний временных форм глагола тувинского языка с темпоральными конкретизаторами – наречиями, указывающими конкретные временные промежутки совершения действия по отношению к сегодняшнему дню. Определены семантические модели сочетания временных форм и наречий времени. Установлено, что формы времени, передающие более обобщенную временную отнесенность к прошлому, будущему и настоящему, допускают уточнения своего значения в пределах своих временных плоскостей и обнаруживают семантическую совместимость с темпоральными конкретизаторами. Напротив, временные формы, обладающие более специализированными обозначениями времени, включающие в свою семантическую структуру дополнительные значения – аспектуальные оттенки незавершенности действия, а также контактные с моментом речи и совпадающие с ним, как правило, не сочетаются с рассматриваемыми наречиями времени.

Ключевые слова: тувинский язык, временные формы глагола, наречия времени, темпоральные конкретизаторы, временной ориентир, семантические модели.

Введение

Указание на временную отнесенность действия к конкретному времени передается главным образом временными формами, может уточняться контекстом и лексическими конкретизаторами с темпоральным значением – наречиями времени. В статье развивается идея о семантической сочетаемости языковых единиц

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием высшим учебным заведениям и научным организациям Министерства образования и науки РФ, проект № 34.3876.2017/ПЧ «Системные изменения в языковой картине тувинцев России и зарубежья: традиции и современность».

Ооржак Байлак Чаш-ооловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета (ул. Ленина, 36, Кызыл, 667000, Россия; oorzhak.baylak@mail.ru)

как реализации их внутренних языковых валентностей для передачи общего грамматического значения времени – временных форм, наречий времени, выступающих в качестве темпоральных конкретизаторов, и глагольных основ, принадлежащих к определенным лексико-семантическим группам.

Грамматическая категория времени в тувинском языке представлена разветвленной системой синтетических и частично синтезированных и аналитических форм, которые представляют собой свернутые категориальные смыслы, отражающие наиболее релевантные для языка временные значения. Так, во временной системе современного тувинского языка обнаруживается до десяти временных форм, которые содержат, кроме собственно временных значений, дополнительную характеристику относительно протекания действия во времени, а также представляют действия как наблюдавшиеся и не наблюдавшиеся. В системе прошедшего времени выделяется пять форм: прошедшее общее время на =ган, прошедшее засвидетельствованное на =ды, прошедшее утвердительное на =чык, прошедшее засвидетельствованное результативное на =п-тыр, прошедшее незавершенное время на =бышаан. Настоящее время представлено аналитическими формами – настоящим актуальным временем на $T_v=n$ $V_{(тур, олур, чор, чыдыр)}=Ø$, настоящим общим временем на $T_v=n$ $V_{(тур, олур, чор, чыдыр)}=ар$ и частично синтезированной формой настоящего засвидетельствованного перцептивного времени на =а-дыр¹. В системе будущего выделяются две формы: будущее общее время на =ар, будущее ожидаемое время на =галак.

Многочисленность показателей временной системы в тувинском языке, отражающих значения предшествования, следования и совпадения с моментом речи (далее – МР) в трехплоскостной временной системе, предполагает наличие в языке определенных семантических закономерностей в дистрибутивном окружении временных форм. Семантика временных форм в контексте может уточняться временными конкретизаторами – наречиями времени, в зависимости от контекста и целей говорящего (автора текста). Наблюдения показывают, что при той многочисленности как форм, так и наречий времени, в тувинском языке реализуются определенные их сочетания, обусловленные семантическими валентностями временных форм, допускающими или не допускающими такие сочетания. Замечено, что одни временные формы, обладающие более обобщенными временными значениями, допускают уточнения значения в пределах своих временных плоскостей и обладают относительно свободной сочетаемостью с различными лексико-семантическими группами глаголов. Семантический объем других временных форм допускает сочетания только с определенными временными конкретизаторами и привязан к ограниченному кругу сочетаний с глаголами. Третьи же не сочетаются в принципе ни с какими временными конкретизаторами, их употребление привязано только к некоторым глагольным лексико-семантическим подгруппам.

Основными темпоральными конкретизаторами временных значений глагольных форм являются наречия времени, к которым относятся слова, уточняющие при необходимости временную отнесенность действия, выражаемую в предложении временными формами. Выделяются наречия времени, обозначающие временные промежутки:

¹ $T_v=n$ – основа глагола в форме деепричастия на =n; V – вспомогательный глагол (вспомогательные глаголы тур=, олур=, чор=, чыдыр, восходящие к полнзначным глаголам позиции/способа нахождения в пространстве: тур ‘стоять’, олур ‘сидеть’, чыт ‘лежать’ и глаголу движения/перемещения в пространстве чор ‘идти, быть в движении’, в составе аналитических форм настоящего времени грамматикализуются, подвергаясь лексической десемантизации, приобретая значения ‘быть’, ‘пробывать’, ‘находиться’, ‘существовать’); Ø – нулевая морфема, в составе показателя настоящего актуального времени.

- 1) относительно МР;
- 2) относительно сегодняшнего дня;
- 3) безотносительно к какой-либо точке отсчета времени, конкретизирующие время совершения действия, выраженного грамматической временной формой.

В первую группу входят наречия, уточняющие временную дистанцию предшествования / совпадения / следования действий от МР: *ам* 'теперь, сейчас, в настоящее время', *ам чаа* 'вот только что, перед МР', *чаа* 'только что, совсем недавно', *демин* 'недавно, вот незадолго до МР', *дем(ин) чаа* 'вот только недавно, незадолго до МР', *дораан* 'скоро', *инчеш* 'через какое-то близкое время после МР'; *оон (ам)* 'потом', *хенертен* 'внезапно, вдруг'.

Ко второй группе относятся следующие:

- наречия, указывающие конкретные временные промежутки совершения действия по отношению к сегодняшнему дню: *бөгүн* 'сегодня', *дүүн* 'вчера', *бурунгу хүн* 'позавчера', *бурундаа хүн* 'день, предшествующий позавчерашнему', *эртен*, *даарта* 'завтра', *соңгузу хүн* 'послезавтра', *соондаа хүн* 'день, последующий послезавтрашнему';

- наречия в сочетании с указанием на количество дней (недель, месяцев, годов), конкретизирующие время предшествования и следования по отношению к сегодняшнему дню: *бурунгаар* 'назад', *соңгаар* 'вперед';

- наречия, указывающие неопределенные временные сроки совершения действия по отношению к сегодняшнему дню: *оон / аан* 'потом', *соонда* 'потом', *соңдаарта* 'в неопределенный срок в будущем', *мындаа* 'недавно', *мындаа (чаа)* 'недавно, на днях', *шагда* 'давно' и *шаанда* 'давным-давно (букв.: в его время)', *шаг шаанда* (или *шаанда шаг*) 'очень давно'.

В третью группу включаются:

- наречия, указывающие на определенное время совершения действия в течение суток: *дүне* 'ночью', *дүн ортузунда* 'в полночь', *хүндүс* 'днем', *кежээ* 'вечером', *орай кежээ (дүне)* 'поздно (вечером, ночью)', *эртен* 'утром', *даң бажсында* 'на заре', *даңгаар (эртен)* 'ранним утром';

- наречия, указывающие на определенные сезоны в году, в которые совершаются действия: *кыжын* 'зимой', *чайын* 'летом', *күзүн* 'осенью', *казын* 'весной'².

В данной статье представлен результат анализа сочетаний временных форм глагола в тувинском языке с наречиями, указывающими конкретные временные промежутки совершения действия по отношению к сегодняшнему дню (кроме самого наречия *бөгүн* 'сегодня'), т. е. временным ориентиром служит здесь не МР, а сегодняшний день. Что касается наречия *бөгүн* 'сегодня', то выражаемое им значение может быть охарактеризовано как широкое настоящее время – течение сегодняшнего светового дня, который включает также МР, поэтому действия, ограниченные течением сегодняшних суток, относительно МР могут быть предшествовавшими и последующими.

В народном календаре тувинцев понятия недели как особой единицы измерения времени не было. Но обозначение семи дней было практически важным для носителей тувинского языка. Поэтому в тувинском языке существует отдельные лексемы, обозначающие семь дней, включая сегодняшний. Это следующие наречия времени, выступающие в предложении в качестве темпоральных конкретизаторов в совокупном выражении в предложении временного значения: *бөгүн* 'сегодня', *дүүн* 'вчера', *бурунгу хүн* 'позавчера', *бурундаа хүн* 'день, предшествующий позавчерашнему', *эртен*, *даарта* 'завтра', *соңгузу хүн* 'послезавтра',

² Наречия, выделяемые нами как составляющие третью семантическую группу, входят в лексико-семантические макрополя «Времена года» и «Части суток» в исследовании Ш. Ю. Кужугет [2015].

соондаа хүн ‘день, последующий послезавтрашнему’. Все рассматриваемые наречия, кроме наречий *эртен*, *даарта* ‘завтра’, включают в свою структуру лексему *хүн* ‘солнце; день’ с указанием на порядок упоминаемого дня в расположении на временной оси по отношению к сегодняшнему дню *бөгүн* (*бурундаа хүн – бурунгу хүн – дүүн – бөгүн – эртен/даарта – соңгузу хүн – соондаа хүн*). Каждое временное наречие выражает временной срок действия – время течения соответствующего светового дня на оси времени по отношению к сегодняшнему дню.

1. Сочетание временных форм с темпоральным конкретизатором *бөгүн* ‘сегодня, в течение сегодняшнего светового дня’

Наречие *бөгүн* в тувинском языке передает значения: 1) сегодня. 2) *перен.* теперь, в настоящее время [ТСТЯ, с. 297]. В русском языке наречие *сегодня* выражает значения: 1) в этот текущий день, когда идет речь; 2) *перен.* теперь, в настоящее время [СРЯ, с. 615]. Нас интересует реализация первого прямого значения наречия *бөгүн* ‘сегодня’.

Употребление русского наречия *сегодня* показывает, что оно семантически шире указания на дневное время и охватывает также ночь (возможно сочетание *сегодня ночью*). Хотя русское наречие *сегодня* также восходит к сочетанию *сей день*, что буквально обозначает, так же как и тувинское *бөгүн*, значение «этот день», в русском языке его семантическим объем расширился и начал обозначать не только световой день, но и полностью выражать время течения ближайшей к МР суток. В тувинском же языке не допускается сочетание *бөгүн дүне*, так как наречие *бөгүн* выражает временной промежуток «в течение сегодняшнего светового дня / времени до наступления ночи», поэтому наступление сегодняшней ночи выражается другим временным конкретизатором *бо дүне*.

Наречие *бөгүн* ‘в течение сегодняшнего светового дня’ в структурном плане восходит к сочетанию указательного местоимения *бо* ‘вот, этот’ с лексемой *хүн* ‘день’ и в некоторых контекстах встречается его аналитическое употребление *бо хүн* ‘букв.: этот день’: *Бо хүн – чугула хүн: суму байыры. Өөрүүр херек* ‘Сегодня – важный день: праздник сумона. Радоваться надо’ (Бегзи Д. Өннүктер дугайында тоожу)³.

Наречие *бөгүн* определяет время действия относительно МР в пределах сегодняшнего светового дня, поэтому сочетается с формами настоящего времени на $T_v=n V_{(тур=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$ и $T_v=n V_{(тур=, олур=, чор=, чыт=)}=ар$; будущего времени на $=ар$ и прошедшего времени на $=ды$, $=ган$ и $=чык$.

Форма на $T_v=n V_{(тур=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$: *Бөгүн мен ийи дакпыр өөрүшкүлүг чоруп ор мен* ‘Я иду сегодня с двойной радостью’ (Бегзи Д. Өннүктер дугайында тоожу); *Ажылывыстың түңнелин бөгүн үндүрүп тур бис* ‘Мы сегодня подводим итоги нашей работы’.

Форма на $T_v=n V_{(тур=, олур=, чор=, чыт=)}=ар$: *Бөгүн театрда иши болуп турар* ‘Сегодня в театре идет спектакль’.

Форма на $=ды$: *Школага бөгүн беш кичээл болду* ‘В школе сегодня было пять уроков’.

Форма на $=ган$: *Уруглар бөгүн музейге экскурсия чораан* ‘Дети сегодня ходили в музей на экскурсию’.

Форма на $=чык$: *Үрде манаанывыс аалчылар бөгүн келчик* ‘Гости, которых мы долго ждали, приехали сегодня’.

³ Иллюстративный материал, используемый в исследовании, частично взят нами из создаваемого Электронного корпуса текстов тувинского языка (URL: <http://tuvacorpus.ru>).

Форма на =ар: *Мындаа кино келди... Бо хун ийи катан: баштай урулгарга, оон улуг улуска көргүзөр* 'Недавно приехало сюда кино... Сегодня покажут два раза: сначала детям, потом взрослым' (Сүрүң-оол С. С. Лейтенантының даалгазы).

Значение, передаваемое наречием *бөгүн* – длительное настоящее время, выходящее за пределы МР, допускает его сочетания с формами настоящего времени на $T_v=n V_{(мур=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$ и на $T_v=n V_{(мур=, олур=, чор=, чыдыр)}=ар$, которые также могут передавать значение длительного настоящего времени. Форма настоящего времени на $T_v=n V_{(мур=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$ в таких сочетаниях реализует свое второе значение, значение длительного настоящего времени, тогда как ее первым значением является выражение актуального в МР времени.

Включением МР в семантику наречия *бөгүн* объясняется его способность сочетаться с формами прошедшего (=ды, =ган, =чык) и будущего времени (=ар) и характеризовать время предшествующих МР и последующих МР действий.

Форма настоящего засвидетельствованного перцептивного времени на =а-дыр в силу своего значения «выражать время ощущаемых и наблюдаемых в МР действий», не сочетается с наречием *бөгүн*.

Таким образом, наречие *бөгүн* конкретизирует время совершения действия двух временных форм настоящего времени на $T_v=n V_{(мур=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$, $T_v=n V_{(мур=, олур=, чор=, чыдыр)}=ар$, трех временных форм прошедшего времени на =ды, =ган, =чык и одной формы будущего времени на =ар.

2. Сочетание временных форм с темпоральными конкретизаторами *дүүн* 'вчера', *бурунгу хун* 'позавчера', *бурундаа хун* 'день, предшествующий позавчерашнему'

Указанием на день, отделенный от сегодняшнего в прошлое одними сутками, служит наречие времени *дүүн* 'вчера', восходящий к лексическому сочетанию указательного местоимения *дуу* 'тот' и существительного *хун* 'день'. Наречие *дүүн* определяет время действия относительно сегодняшнего дня и конкретизирует время, выражаемое формами грамматического прошедшего времени на =ды, =ган и =чык: *Чуге дүүн «Иван Грозныйны» көргүзүп турдуңар?* 'Почему вы вчера показывали (фильм) «Иван Грозный»?' (Танова Е. Т. Ширбиилиң холдан салба); *Ам үш хонгаи, кызыл-кошту бадырар. Дүүн чугаалашкан болгай бис, саадаткан херек чок* 'Вот через три дня будем отправлять кызыл-кош (караван запряженных лошадей с грузом для фронта). Мы ведь вчера говорили об этом, не нужно затягивать отправку' (Сүрүң-оол С. С. Лейтенантының даалгазы); *Чагыткан бараанарывыс дүүн келчик* 'Заказанные товары пришли вчера'.

Особый интерес представляют собой наречия *бурунгу хун* 'буков.: день, прошедший впереди вчерашнего дня; позавчера' и *бурундаа хун* 'день, предшествовавший позавчерашнему дню = день, прошедший впереди позавчерашнего дня', на которых мы остановимся подробнее. В обоих темпоральных указаниях выделяется общий элемент *бурун*, который в древних тюркских языках выражал: 1) предметное значение, название части тела человека, находящегося в передней части лица, 'нос'; 2) пространственное значение 'перед, передняя часть; восток'; 3) темпоральное значение 'начало, начальный' [ЭСТЯ 1978, с. 272; Татаринцев, 2000, с. 297–298]. Развитие значения основы *бурун* происходил в той же последовательности, в которой приведены выражаемые ею значения: часть тела – обозначение пространства – временное выражение, т. е. с возрастанием абстракции в ее семантике. В современном тувинском языке первые два древних значения основы *бурун* утеряны, он выражает только темпоральное значение и входит в производные основы и лексические сочетания с темпоральным значением.

Структура производных от *бурун*- лексем представляется следующим образом: *бурунгу* < *бурун*- + словообразовательная форма на -гы / -гу и *бурундаа* < *бурун* +

форма местного падежа на *-да* + словообразовательная форма на *-гы / -гу* [ДТС, с. 126, с. 661; Татаринцев, 2000, с. 297–298]. Кроме того, для обозначения предшествующих по отношению к сегодняшнему дню сроков, не обозначенных лексически, в тувинском языке используются лексические сочетания с наречием с пространственно-временным значением *бурунгаар* ‘вперед’ < *бурун-* + *-гаар* (< форма древнего направительного падежа на *-гару*) [ДТС, с. 653; Татаринцев, 2000, с. 297–298]⁴.

Пространственное значение основы *бурун* ‘перед, передняя часть; восток’, было связано с пространственными представлениями и укладом жизни древних тюрков (отсюда предпочтение ориентировать расположение входа в жилище на восток), когда понимание того, что находится впереди (в стороне входа в жилище), находится на востоке. Известно, что передняя сторона с ориентацией на восток древних тюрков у тувинцев была изменена под влиянием монголов: произошла переориентация на юг [Кононов, 1978, с. 79]⁵. Таким образом, в современном тувинском языке сложилась новая система пространственной ориентации, в которой значение ‘юг’ (соответственно ‘перед’) стало обозначаться лексемой *мурун* (*мурнуу чүк*). Древняя историческая связь пространственного значения ‘перед, передняя часть’, ‘восток’ и темпорального значения ‘начало, начальный’ осталась лишь в темпоральных указаниях, восходящих к *бурун*.

Лексема *мурун* ‘передняя сторона чего-л.’ имеет одну основу *бурун* (закономерное чередование в тюркских языках *б / м*) и в тувинском языке функционирует как служебное имя. Чистая основа имени *мурун* в современном тувинском языке не употребляется. Сочетание *Мурнуу чүк* ‘Юг’, где *мурнуу* < *мурун* + посессивный аффикс 3-го лица *-у + -гу*, а *чүк* ‘сторона света’, передает значение ‘Юг, южная сторона’. В изафетном сочетании в посессивной форме она используется как служебное имя, указывающее пространство, сторону объекта где находится вход: *Бажыңның муруну хөлегелиг* ‘Передняя сторона дома (сторона, где находится вход, т. е. не обязательно южная сторона) тенистая’.

Присоединение к нему форм пространственных падежей, уточняет направление (движение) и локализацию действия: *Бажың мурнунче чоруй бараал* ‘Пойдемка в переднюю сторону дома’; *Шкаф мурнунда сандай салып каан* ‘Перед шкафом (лицевой частью шкафа) поставили стул’.

Примерно с равной степенью частотности в современном тувинском языке лексема *мурнуу* употребляется в изафетном сочетании и как пространственный, и как временной конкретизатор. Она отмечается и как служебное имя с пространственно-временным значением, и как наречие с пространственным значением [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 446].

Таким образом, из двух восходящих к одной основе *бурун / мурун* лексем в современном тувинском языке первая функционирует как чисто временной указатель, вторая – как пространственно-временной. Очевидно, древняя лексема *бурун*, первоначально выражавшая пространственную семантику, приобрела более абстрактное значение временного указателя предшествования и была утеряна ее семантика «восточная сторона». Освободившееся место заняла лексема *мурун* с пространственным значением «перед».

Б. И. Татаринцев пишет: «Остается, однако, неясным, почему семантика, связанная с прошлым, коррелирует со значением пространства, находящегося впереди (тогда как, по логике вещей, прошлое должно ассоциироваться с тем, что на-

⁴ Для передачи значения «давным-давно» употребляется наречие *бурун шагда* ‘в прежнее время’. В фольклоре используются клише *бурунгунун мурнунда* ‘прежде стародавнего времени’, *эрте бурун шагда* ‘в раннее стародавнее время’ [Ондар, 2017].

⁵ В исследовании Ш. Ю. Кужугет показана связь между восприятием суточного времени и традиционным жилищем – юртой у тувинского народа [Кужугет, 2015].

ходится позади)» [Татаринцев, 2000, с. 298]. Мы предполагаем, что, с одной стороны, использование в тувинском языке основ *бурун/мурун*, исторически выражавших значения «перед, передняя сторона», при обозначении прошедших действий, пережитых событий, а с другой – использование основы *соң* («задняя часть; конец; последующее время; поздний, последний; потомство, послед», также «север» см. в [ЭСТЯ 2003, с. 330]) для обозначения последующих настоящему времени временных сроков (*соңгузуу хун* «послезавтра», *соондаа хун* «в день, следующий послезавтрашнему»), объясняется, по-видимому, важностью для носителя тувинского языка прошедших событий и неочевидностью будущего. Образно это можно представить как человека, стоящего лицом к югу (=своему прошлому), а затылком к северу (=своему будущему)⁶. Именно прошедшее время в грамматической темпоральной системе тюркских языков сильно развито: наличие большего числа форм (по сравнению с другими временными планами), которые передают прошедшие действия семантически более детализировано (о временной системе тувинского языка см. [Монгуш, 1963; Сат, 1955; Ооржак, 2014]).

В. Ю. Сузукей также указывает на то, что прошедшие события для носителя тувинской культуры воспринимаются как ушедшие вперед и в реальной жизни прошлое проходит «перед глазами человека» и «все события прошедшего времени, как правило, известны человеку во всех деталях»; а события будущего «надвигаются» на человека сзади» (см. подробнее в [Сузукей, 2009, с. 255]).

Итак, в современном тувинском языке употребляются темпоральные указатели, восходящие к древней основе *бурун*, для обозначения предшествования сегодняшнему дню: день, отделенный от сегодняшнего двумя сутками – *бурунгу хун* «позавчера»; день, отделенный от сегодняшнего тремя сутками – *бурундаа хун* «день, предшествовавший позавчерашнему дню». Они сочетаются с формами прошедшего времени на =ды, =ган, =чык.

Рассмотрим примеры их сочетания.

Бурунгу хун «позавчера»: *Кызылга өөренир сургуулдар бурунгу хун чоруй барды...* «Учащиеся, которые будут учиться в Кызыле, уехали позавчера» (Бегзи Д. Өнүктөр дугайында тоожу); *А шериглер бурунгу хун орус суурларда чоруп турган* «А военные были позавчера в русских деревнях» (Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу); *Кожаларывыс бурунгу хун чанып келчиктер* «Наши соседи вернулись домой позавчера».

Бурундаа хун «день, предшествовавший позавчерашнему дню»: *Бурундаа хун ачаң ашак беш сергезин дузаламчаа берди* «В день, предшествовавший позавчерашнему дню, твой отец ведь отдал пять козлов в помощь» (Кенин-Лопсан М. Б. Чүгүрүк Сарала); *Меңээ чүнү-даа чугаалаваан сен, сеңээ бурундаа хун чораан ышкажымгай* «Ты мне ничего не сказал, (а) я ведь в день, предшествовавший позавчерашнему дню, у тебя был» (Саган-оол О. К. Чогаалдар чыындызы); *Акым суг маңаа бурундаа хун келгеи баржыктар* «Мой брат (с семьей) были (букв.: приехали и уехали) здесь в день, предшествовавший позавчерашнему дню».

Другие формы прошедшего времени на =п-тыр и =бышаан не сочетаются с временными конкретизаторами прошедшего времени. Значение формы на =п-тыр – обнаружение говорящим неожиданного результата совершившегося до МР действия, происходит в МР: *...бир эл алдында какпазының ужуг көстүп чыткан. Оожум тырттарга, быжыы шору, тыртса-тыртса уштуп кээрге, кончуг улуг кызыл күзен доңа берген бо чыдып-тыр* «...под обрывом виднелся краешек его капкана.

⁶ Временная ориентация имеет свои основы в пространственных представлениях народа. Известно, что традиционная ориентация по сторонам света юг / перед – север / задняя часть бытует у монгольских народов (см. об этом [Жуковская, 1986; Содномпилова, 2011; и др.]), с которыми носители тувинского языка имели древние исторические и культурные связи.

Когда (его) притянул, оказался он довольно крепким, тянул, тянул и вытянул – оказалось, вот лежал замерзший большой красный колонок’ (Сарыг-оол С. А. Советтиг Тыва). Поэтому действие, выраженное глаголом на =*n-тыр*, не характеризуется как происходившее в какой-либо временной промежуток, так как это значение не является актуальным для семантики данной формы. Значение формы на =*бышаан*, выражение начавшегося до МР и незавершившегося в МР действия (значение отсутствия результата), не допускает ее сочетания с темпоральными конкретизаторами: *Авам инээн сагбышаан* ‘Мама все еще доит корову’ (Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу).

3. Сочетание временных форм с темпоральными конкретизаторами *эртен, даарта* ‘завтра’, *соңгузу хүн* ‘послезавтра’, *соондаа хүн* ‘день, последующий послезавтрашнему’

Последующие дни относительно сегодняшнего обозначаются темпоральными конкретизаторами *эртен, даарта* ‘завтра’ и, как уже отмечалось, *соңгузу хүн* ‘послезавтра’, *соондаа хүн* ‘в день, следующий послезавтрашнему’. Понятие «завтра» передается двумя лексемами *эртен* и *даарта*. Первая из них выражает также значение ‘утро’, тогда как вторая, хотя и восходит к сочетанию *даң* ‘заря’ и *эртен* ‘утро’, выражает только одно значение «завтра». Все четыре лексические конкретизатора времени употребляются с формой будущего времени на =*ар*.

Эртен өске чары мунар сен. Оон-даа ылгын ‘Завтра поедешь на другом олене. Еще быстро’ (Эргеп М. Өдүгенде чайлаг); *Дүрген белеткенир херек. Даарта чоруур бис* ‘Нужно быстро готовиться. Завтра поедем’ (Кенин-Лопсан М. Б. Калчан-Шилги); *Даарта эрте үнгеш, соңгузу хүн чеде бээр мен* ‘Выехав завтра, приеду туда послезавтра’ (Донгак Э. Сыын чады); *Кажан чедип кээр сен? – Үш хонгаиш, соондаа хүн чедип кээр мен, оглум.* ‘Когда приедешь? – Через три ночи, в день, следующий послезавтрашнему дню, вернусь, сынок’ (Сарыг-оол С. А. Советтиг Тыва).

Из двух форм будущего времени с временными конкретизаторами будущего времени сочетается форма общего будущего времени на =*ар*. Форма на =*галак*, выражающая более специализированное значение – значение некоторого состояния, положения дел в процессе совершения естественных продолжающихся явлений действительности, исполнение и полное завершение которых наступит после МР, по своему семантическому содержанию не сочетается с рассматриваемыми временными конкретизаторами.

Таким образом, в тувинском языке обнаруживаются определенные семантические модели сочетания временных форм и наречий времени, выступающих в языке в качестве темпоральных конкретизаторов, уточняющих время совершения действия, указываемое грамматической временной формой. В совокупной с временными формами передаче времени действия, выраженного глагольной основой, темпоральные конкретизаторы репрезентируют временную отнесенность действия: относительно МР; относительно сегодняшнего дня; безотносительно к какой-либо точке отсчета времени, указывая на определенное время совершения действия в течение суток или сезона в году.

Проведенный анализ особенностей сочетаемости временных форм и наречий времени, обозначающих временные промежутки относительно сегодняшнего дня, показал следующее (таблица): формы времени, передающие более обобщенную временную отнесенность к прошлому, будущему и настоящему, допускают уточнения своего значения в пределах своих временных плоскостей. Темпоральные конкретизаторы *дүүн* ‘вчера’, *бурунгу хүн* ‘позавчера’, *бурундаа хүн* ‘день, предшествующий позавчерашнему’ указывают на конкретные сроки предшествовав-

Сочетаемость временных форм с темпоральными конкретизаторами
The combination of tense forms with the temporal concretization

	Настоящее время			Прошедшее время						Будущее время	
	Настоящее актуальное на <i>Тv-n V</i> (тvр, оvр, чvр, чvрвр)	Настоящее общее на <i>Тv-n V</i> (тvр, оvр, чvр, чvрв) = <i>qv</i>	Настоящее завершенное-перцептивное на <i>a-ovp</i>	Прошедшее актуальное на <i>ov</i>	Прошедшее завершенное на <i>n-тvр</i>	Прошедшее завершенное на <i>ovтaн</i>	Будущее общее на <i>av</i>	Будущее ожидаемое на <i>gаtаk</i>			
Темпоральный конкретизатор											
<i>Бөгүн</i> 'сегодня'	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	
<i>Дуун</i> 'вчера'	×	×	×	+	+	-	×	×	×	×	
<i>Бурунгу хун</i> 'позавчера'	×	×	×	+	+	-	×	×	×	×	
<i>Бурундаа хун</i> 'день, предшествовавший позавчерашнему'	×	×	×	+	+	-	×	×	×	×	
<i>Эртен, даарта</i> 'завтра'	×	×	×	×	×	×	+	-	-	-	
<i>Соңгузуу хун</i> 'послезавтра'	×	×	×	×	×	×	+	-	-	-	
<i>Соондаа хун</i> 'в день, следующий послезавтрашнему'	×	×	×	×	×	×	+	-	-	-	

Символы, используемые в таблице: + допустимое сочетание; - сочетание невозможно; × недопустимые сочетания, так как единицы являются семантически разнополярными.

ших сегодняшнему дню (*бөгүн* 'сегодня') действий в области прошедшего времени, передающихся временными формами на *=ды*, *=ган* и *=чык*. Наречия времени *эртен*, *даарта* 'завтра', *соңгузу хүн* 'послезавтра', *соондаа хүн* 'день, последующий послезавтрашнему' конкретизируют последующие сегодняшнему дню действия, выражаемые формой на *=ар*. Наречие *бөгүн* 'сегодня', единственное в этом ряду инклюзивно выражая значение длительности на оси времени ('время течения сегодняшнего светового дня') и заключая МР в свою семантику, определяет время действия по отношению к МР, поэтому сочетается как с формами прошедшего времени (*=ды*, *=ган*, *=чык*), так и с формами будущего (*=ар*), а также настоящего времени на $T_v=n V_{(тыр=, олур=, чор=, чыдыр)}=\emptyset$, $T_v=n V_{(тыр=, олур=, чор=, чыдыр)}=ар$.

Как правило, временные формы, включающие в свои значения аспектуальные оттенки значений незавершенности действия – действие началось в прошедшем и продолжается в МР (*=бышаан*); обозначение некоторого состояния, положения дел в совершении продолжающихся явлений действительности, исполнение которых ориентировано в будущее (*=галак*), – не сочетаются ни с одним из рассмотренных временных наречий. Семантика незавершенности действия, характерная для обеих указанных форм, является логически несовместимой с конкретным указанием временных сроков, выражаемых темпоральными конкретизаторами.

Не требуют уточнения времени совершения действия и не сочетаются с указанными темпоральными конкретизаторами формы, так или иначе контактные с МР (*=n-тыр*), а также и совпадающие с ним (*=а-дыр*). Выражаемое формой на *=n-тыр* обнаружение говорящим неожиданного результата совершившегося до МР действия происходит в МР, поэтому использование темпорального конкретизатора из данного ряда является семантически избыточным, также как и для формы на *=а-дыр*, которая выражает действие, одновременное с МР.

Список литературы

- Жуковская Н. Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 118–135.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 472 с.
- Кононов А. Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник-1974. М., 1978. С. 72–90.
- Кужугет Ш. Ю.* Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудажы: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963. 167 с.
- Ондар М. В.* Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1(67), ч. 2. С. 157–163.
- Ооржак Б. Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
- Сат Ш. Ч.* Тувинский язык (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.
- Содномпилова М. М.* Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов: Дис. д-ра ... ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 460 с.
- Сузукей В. Ю.* Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Тува. Азия. Новые исследования Тувы: Электронный журн. 2009. № 1-2. С. 250–267. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (дата обращения 20.03.2017).

Список словарей

- ДТС – Древнетюркский словарь. М.: Наука, 1969. 676 с.
СРЯ – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.
ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 598 с.
ЭСТЯ 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 350 с.
ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Изд-во вост. лит. РАН, 2003. 446 с.

B. Ch. Oorzhak

*Tuvan State University
Kyzyl, Russian Federation, oorzhak.baylak@mail.ru*

The particular combination of tense forms with temporal concretization in the Tuvan language

The paper develops the idea of the semantic compatibility of linguistic units as the realization of their internal linguistic valencies for the transmission of the general grammatical meaning of time-temporal forms, adverbs of time, acting as temporal concretizers, and verbal foundations belonging to certain lexical-semantic groups. Semantic models of a combination of temporal forms and adverbs of time, specifying the time of the performance of an action, indicated by a grammatical temporal form, are defined. Combined with the temporal forms of the transfer of the time of the action, expressed by the verbal basis, the temporal concretizers represent the temporal attribution of the action: a) relative to the moment of speech; b) relative to today; c) irrespective of any point of time, indicating a certain time of committing an action within a day or seasons in a year.

This paper presents the result of analyzing the combinations of temporal forms of the verb of the Tuvan language with temporal concretizers, indicating specific time intervals for performing the action in relation to the present day when the present day serves as a temporary reference point. It is established that the forms of time that convey a more generalized temporal attribution to the past (forms on =*di*, =*gan* and =*čiq*), the future (the form on =*ar*) and the present ($T_v=p V_{(tur=, olur=, čor=, =čidir)}=Ø$, $T_v=p V_{(tur=, olur=, čor=, =čidir)}=ar$), can refine their meaning within their temporal planes and find semantic compatibility with temporal concretizers, allow their values to be specified within their time limits planes and reveal a semantic compatibility with temporal concretizers. Also, they are more freely combined with different lexical-semantic groups of verbs in comparison with temporal forms that have more specialized time designations and include additional meanings in their semantic structure – the aspectual shades of the values of the incompleteness of the action (forms on =*bišaan*, =*galaq*), as well as contact with the moment of speech (the form on =*p-tir*) and coinciding with it (the form on *a-dir*), having a limited circle of combination with the verb stem. The last four forms, as a rule, do not combine with the considered adverbs of time.

Keywords: Tuvan language, tenses of verb, adverbs of time, temporal concretization, time reference, semantic model.

DOI 10.17223/18137083/61/21

References

- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfoloģiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Izd. vost. lit., 1961, 472 p.

Kononov A. N. Sposoby i terminy opredeleniya stran sveta u tyurkskikh narodov [Methods and terms the definition of cardinal points at the Turkic peoples]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik-1974* [Turkic collection-1974]. Moscow, 1978, pp. 72–90.

Kuzhuget Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole "prirodnoe vremya" v proze K.-E. K. Kudajy* [Lexico-semantic field "natural time" in prose K.-E. K. Kudajy]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2015.

Mongush D. A. *Formy proshedshego vremeni iz "yavitel'nogo nakloneniya v tuvinskom yazyke* [The past tense indicative mood in Tuvan language]. Kyzyl, 1963, 167 p.

Ondar M. V. Standarty, otrazhayushchie vremya, v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [Standards reflecting the time in the Tuvan heroic legends]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 1(67), pt 2, pp. 157–163.

Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The temporary system of the Tuvan language]. Moscow, 2014, 184 p.

Sat Sh. Ch. Tuvinskiy yazyk (Kratkiy ocherk) [Tuvan language. (Brief article)]. In: *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, 1955, pp. 615–721.

Sodnompilova M. M. *Prostranstvo v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongol'skikh narodov* [Space in the traditional worldview and practices of the Mongolian peoples]. Doct. hist. sci. diss. Ulan-Ude, 2011, 460 p.

Suzukey V. Yu. Prostranstvo i vremya v traditsionnoy kul'ture tuvintsev [Space and time in the traditional culture of Tuva]. *Tuva. Asia. The New Research of Tuva*. 2009, no. 1-2, pp. 250–267. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (accessed 20.03.2017).

Zhukovskaya N. L. Prostranstvo i vremya v mirovozzrenii mongolov [Space and time in the worldview of the Mongols]. In: *Mify, kul'ty, obryady narodov zarubezhnoy Azii* [The Myths, cults, ceremonies of peoples of foreign Asia]. Moscow, 1986, pp. 118–135.

List of dictionaries

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. Moscow, 1969, 676 p.

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "J", "M", "H", "I", "C" [Etymological dictionary of Turkic languages. Turkish bases on letters "J", "M", "H", "I", "C"]. Moscow, Izd. vost. lit. RAN, 2003, 446 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 1983, 816 p.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Ob-shchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages. Turkish bases on letter "B"]. Moscow, Nauka, 1978, 350 p.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka*. T. 1. [Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 1]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 341 p.

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 598 p.